

О “РЕВОЛЮЦИОННЫХ” ИЗМЕНЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ И ФЕНОМЕНЕ “ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ”

© 2015 г. Сергей Герасимович Павликов¹

Аннотация: предпринята попытка аргументировать суждение о том, что под предлогом борьбы со злоупотреблениями со стороны представителей государственной власти, реализации идей “народного права” продолжают осуществляться действия (например, так называемые “цветные революции”), которые обуславливают негативные и даже катастрофические последствия для народа, во имя которого они якобы и совершались.

Annotation: an attempt was made to justify the judgment that under the pretext of the fight against abuse by government officials, the implementation of the ideas of “people’s rights” continue to be implemented, for example, so-called “color revolutions”), which cause negative and even catastrophic consequences for the people, in whose name they allegedly committed.

Ключевые слова: государство, право, реформа, переворот, путч, революция, власть, народ.

Key words: state, law, reform, revolution, coup, revolution, power, people.

В юридической литературе имеют место работы, посвященные проблемам трансформации государства и права на так называемом перестроечном и, соответственно, постперестроечном этапе развития России. Что представляют собой эти события: “предательство партии и СССР”, “буржуазные реформы” или революцию?

В.Д. Зорькин пишет, что события 90-х годов XX в. в России были “не переворотом, а социальной революцией, которая коренным образом изменила право”². Более того, можно обнаружить справедливые утверждения о том, “события нашего времени свидетельствуют, что социальные революции, как и политические перевороты, при современном состоянии общества и в определенных ситуациях, видимо, неизбежны (общество развивается не только эволюционным, но и революционным путем), но революции несут с собой многочисленные жертвы и разрушения, а нередко временное или длительное установление диктатур”³. Более того, ответственность государства “перед народом может выражаться в изменении политического курса в результате массовых политических действий, принятии новых решений под давлением общественного мнения. Высшая форма ответственности наступает в результате

революции, когда народ свергает прежнюю государственную власть и коренным образом изменяет саму сущность государства”⁴.

Согласимся с О.В. Мартышиным в том, что «очень важен вопрос: а что представляет собой крушение коммунистического режима в СССР – революция это или нет? Смена власти протекала поэтапно, в основном мирным путем (за исключением финальной стадии с обстрелом “Белого дома”), была облечена в легальные формы, хотя всем памятно, что этому процессу сопутствовал ряд кровопролитных конфликтов на этнической почве в союзных республиках, а при обстреле “Белого дома” было не меньше жертв, чем при штурме Зимнего дворца. Но если употреблять слово “революция” не как синоним вооруженного переворота, насильственного захвата власти, а в его подлинном смысле, т.е. в значении глубоких радикальных перемен, события начала 90-х годов несомненно следует признать революцией”⁵. Е.Т. Гайдар в отношении анализируемых событий писал: “На мой взгляд, то, чему мы в это время стали свидетелями, было революцией... Страна пережила крах основных экономических и политических институтов, радикальные изменения социально-экономического строя, доминирующей идеологии”⁶.

¹ Заведующий кафедрой “Конституционное и муниципальное право” Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор.

² Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2012. С. 93.

³ Чиркин В.Е. Принцип социальной справедливости в конституционном измерении // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 39–43.

⁴ Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007. С. 45.

⁵ Мартышин О.В. Революция и развитие российской государственности // Гос. и право. 2007. № 11. С. 87.

⁶ Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 156.

Очевидно, что количество критиков эпохи крушения социалистического *государства* значительно превышает число сторонников перемен государственного курса; первые активно употребляют применительно к ним термины “*путч*”, “*переворот*”, “*бархатная революция*” (с явно негативным ее контекстом) и т.п. Так, С. Кара-Мурза отмечает, что в условиях создавшейся в конце прошлого века в России ситуации «приходится устраивать *перевороты*. Лучше “бархатные”, без большого насилия. Это обходится дешевле и не создает риска породить реальное сопротивление части народных масс. Типичным примером такой смены властной бригады была замена Горбачёва на Ельцина в 1991 г.»⁷.

Автор полагает, что с учетом последствий (распад СССР, фактическая смена социалистической экономики на капиталистически ориентированную и т.п.) исследуемые события представляют собой пример *революции*, кардинального изменения государственно-правовой формации. Более сложным является вопрос о целях и последствиях этой *революции*. Представляются убедительными рассуждения О.В. Мартышина о том, что “у *революции* 90-х годов есть и существенные особенности, не говорящие в ее пользу. Вожди *революции* 1917 года открыто провозглашали свои цели – уничтожение самодержавия, демократия в Феврале, социализм и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в Октябре. В 90-е годы цель упразднения социалистической (советской) социально-экономической системы не декларировалась нигде. Рядовые участники движения полагали, что они борются за демократию, а не за капитализм”⁸.

В таком негативном контексте эти события характеризуют и как “*революцию сверху*”, вторую буржуазную *революцию* в России⁹. В исследуемом историческом периоде исследователи выделяют “*путч*” 1991 г. и “разгром Парламента” 1993 г. Как писал Б.Н. Ельцин, “август 1991 и октябрь 1993 соединились в одну неразрывную цепь, разрушилась империя, мы стали свидетелями мучительного и жестокого прощания с целой эпохой”¹⁰. Д.Я. Травкин утверждает, что “решал дела, впрочем, не *народ*. Реформы 1992 г. так и не породили знаменитого русского бунта – бессмысленного и беспощадного, которого так опасались в верхах. По большому счету, общество оставалось

индифферентным к происходившим в октябре разборкам. Проблема проистекала отнюдь не из противостояния *власти и народа*. Проблема проистекала из двоевластия, из столкновения двух подходов к тому, как и кому следует управлять Россией”¹¹.

Мы не будем давать здесь хронику этих общеизвестных событий, акцентировав внимание на обоснованности применения к ним терминов “*реформы*”, “*революция*” или даже “*путч*”. Что касается последнего, то “в основе своей это феномен военного и короткого послевоенного периода. *Путч* предпринимается формальным органом вооруженных сил и под их назначенным руководством. Явный пример – путч Корнилова: командующий группой войск на севере России попытался захватить Ленинград”¹². В этом контексте “характер событий 3–4 октября 1993 г. сильно отличался от характера событий 19–21 августа 1991 г. Во время августовского *путча народ* был на одной стороне, и благоразумная пассивность стороны иной предотвратила кровопролитие. В октябрьских же событиях большая часть *народа*, разочаровавшись в обоих противостоящих друг другу сторонах, оставалась пассивной”¹³. При этом «если “мировое сообщество” дает разрешение на расстрел парламента и безоружных людей, неугодных для западной демократии (как в Москве 3–4 октября 1993 г.), то никакого возмущения на Западе это не вызывает, а Гаагский трибунал на это смотрит совершенно равнодушно»¹⁴. По мнению В.В. Лунеева, примером противоправного акта насильственного захвата *власти* на небольшой срок служит августовский *путч* 1991 г., совершенный в Советском Союзе членами ГКЧП во главе с вице-президентом СССР Г. Янаевым, премьер-министром СССР В. Павловым, председателем КГБ СССР В. Крючковым. Таким же деянием являлось и противостояние Президента РФ и Верховного Совета РФ осенью 1993 г.¹⁵

Как известно, “*путч*” провалился; Б.Н. Ельцин дает такую оценку последующим событиям: “Вслед за августовской *революцией*, как ее называют (хотя никакая это не *революция*, а напротив, – установление правового порядка в стране),

⁷ Кара-Мурза С. Революции на экспорт. М., 2006. С. 92.

⁸ Мартышин О.В. Указ. соч. С. 87.

⁹ См., например: Баландин Р. Тайны завещания Ленина. М., 2007. С. 200.

¹⁰ Ельцин Б.Н. Записки Президента. М., 1994. С. 6, 7.

¹¹ Травкин Д.Я. Путинская Россия: от рассвета до отката. СПб., 2009. С. 177.

¹² Люттвак Э. Государственный переворот: практическое пособие. М., 2012. С. 22, 23.

¹³ Травкин Д.Я. Указ. соч. С. 184.

¹⁴ Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 401.

¹⁵ См.: Лунеев В.В. Политическая преступность // Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1999. С. 331, 332.

наступили для нашего *народа* не самые легкие дни. Ожидали рая земного, а получили инфляцию, безработицу, экономический шок и политический кризис”¹⁶. Фактически подтверждает его слова весьма близкий к нему в то время А.В. Коржаков: «После августовского *путча* мне казалось, что России выпал счастливый лотерейный билет... *Власть* почти бескровно перешла в руки демократов, вся страна жаждала перемен. Ельцин действительно мог использовать этот “золотой” шанс. У него было все, чтобы грамотно провести *реформы*, предотвратить коррупцию, улучшить жизнь миллионов россиян. Но Борис Николаевич поразительно быстро был сломлен всем тем, что сопутствует неограниченной *власти*: лестью, материальными благами, полной бесконтрольностью... И все обещанные перемены свелись, в сущности, к бесконечным перестановкам в высших эшелонах *власти*. Причем после очередной порции отставок и новых назначений во власть попадали люди, все меньше и меньше склонные следовать государственным интересам»¹⁷.

Наиболее часто термин “*путч*” употребляют в отношении действий, направленных на прекращение существования СССР; но при этом отмечают, что «это был не “тихий *путч*”, а легальное изменение существующего порядка вещей. Изменение условий договора между... республиками Союза»¹⁸.

Анализируя указанные события, В.Е. Чиркин обоснованно подчеркивает, что “ценность представляет собой само принятие Конституции России 1993 г. путем референдума (в нем участвовали 54,8% избирателей РФ, и 58,4% голосовали за принятие). Конституция закрепила политическую победу антитоталитарной демократической революции в России. Что бы мы ни говорили о недостатках процедуры разработки и принятия Конституции (а они имели место), она сыграла огромную роль в обеспечении сначала зыбкой, но затем укрепляющейся стабильности в обществе, в предотвращении братоубийственной гражданской войны, в переходе общества от конфронтации (в том числе с использованием вооруженных действий в октябре 1993 г.) к мирной состязательности. Теперь, по прошествии времени, мы более отчетливо видим это”¹⁹.

¹⁶ Ельцин Б.Н. Указ. соч. С. 148.

¹⁷ Коржаков А.В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997. С. 359.

¹⁸ Ельцин Б.Н. Указ. соч. С. 344.

¹⁹ Чиркин В.Е. К вопросу о ценности российской Конституции 1993 г. // Актуальные проблемы рос. права. 2013. № 12. С. 1517–1522.

Как уже отмечалось, распад Союза ССР и смена политической, социальной, экономической ориентации общества сопоставимы по методам реализации и главное – по своим последствиям с революционными потрясениями. Трудно назвать “*реформой*” столь кардинальные и “жесткие” для многих слоев населения преобразования. Вместе с тем термин “*реформа*” применим для событий новейшей истории, периода с 2000 г., начавшегося с приходом к власти В.В. Путина. Думается, что второму Президенту России удалось именно путем *реформ* минимизировать многие негативные последствия “*революций*” конца прошлого века: стабилизировать общество, кардинально повысить уровень социальной защиты населения, укрепить авторитет *государства* на международной арене и т.п.

Подобного рода действия подняли авторитет *государства и права*, который в период нахождения Б.Н. Ельцина у *власти* оставлял желать много лучшего. В настоящее время имеет место период стабильного и, как мы считаем возможным уточнить, не “революционного”, но эволюционного развития государственно-правовой формации. Этот факт признается даже деятелями, достаточно критично настроенными по отношению к *власти*; они, например, пишут, что “В. Путин всегда говорил, что не любит *революций* и предпочитает эволюцию. И он не революционер – он менеджер – настройщик уже созданных структур”²⁰.

Однако даже период явных улучшений в жизни общества, столь необходимой стабилизации государственно-правовой формации подвергается критике. В подавляющем большинстве случаев критика эта не носит конструктивного характера, и несостоятельность многих доводов подтверждается конкретными действиями *власти*. Так, например, утверждения о том, что страну пытаются превратить в “сырьевой придаток Западной цивилизации”²¹, явно противоречат той независимой политике, которую осуществляет Российская Федерация, не позволившая, например, Западу в 2014 г. диктовать свои условия даже под угрозой экономических санкций.

Критика *власти* необходима; однако не может не вызвать отторжения любая попытка ввергнуть страну в хаос новых революционных событий. К сожалению, такие попытки имеют место, причем нередко в завуалированной форме, когда вместо термина “*революция*” используется термин

²⁰ Пушков А. Путинские качели. М., 2010. С. 7.

²¹ Калашников М. Код Путина. С. 85, 90 // <http://ModernLib.ru>

“мирный *переворот*”. Так, авторы пишут: «Надо ли хотеть *революции*? Не надо..., когда она грянет, спасти страну уже не удастся..., нужен мирный переворот..., что означает этот переворот? Бескровную передачу власти от “клуба-175” [имеется в виду “узкий круг *власть имущих*”. – Авт.] к новой национальной элите»²².

Подобного рода “мирные” *перевороты* и “бескровные” *революции* имеют место в новейшей истории *государства и права*. Как отмечают исследователи, “*государства*, заявляя в своих конституционных нормах приверженность общепризнанным нормам международного права, в то же время проводят внешнюю политику, направленную на нарушение суверенных прав других *государств*, происходит одновременно нарушение национальных и международных норм. Мартовские и апрельские народные *революции*, происходившие в 2011 г. в странах Северной Африки и Ближнего Востока, и в особенности в Ливийской Арабской Джамахирии, вызвали острые дискуссии в Совете Безопасности ООН о проблемах границ вмешательства мирового сообщества в политическую жизнь национальных *государств*. По существу, в указанных событиях речь идет о вопросах сохранения национального государственного суверенитета в современных международных условиях»²³.

“Мирный” характер *революций* стал особенно очевиден в 2014 г., когда человеческие жертвы вновь напомнили о том, что *революция* – это не “игрушка” и не панацея от социально-экономических проблем.

Довольно длительное время внимание исследователей привлечено к проблеме насильственного захвата *власти* на постсоветском пространстве, к неконституционной смене политических режимов в начале XXI в. В их числе: события в Грузии (“*революция роз*”), на Украине (“оранжевая *революция*”), насильственное отстранение от власти Президента Киргизии А.А. Акаева, вооруженный мятеж в городе Андижан (Узбекистан)²⁴. Как отмечает В. Третьяков, указанные “*революции* были

заранее подготовленными против органов *власти* этих государств *извне*”²⁵.

По данным председателя КГБ Республики Беларусь С. Сухоренко, весной 2006 г. группой оппозиционеров и зарубежных представителей готовился противоправный захват *власти* в этом *государстве*²⁶. Более того, некоторые авторы еще 10 лет назад стали утверждать, что “украинская *революция* в скором времени перекинется на Россию, Беларусь, Молдову, бывшие советские республики Закавказья и Средней Азии”²⁷.

Почти 10 лет нас отделяют от времени выражения этой позиции – “*революция* в скором времени перекинется на Россию”. Думается, что за этот период многое изменилось в позитивном направлении: “соблазн” *революции* вряд ли актуален для страны, принимающей сейчас сотни беженцев из соседнего постреволюционного *государства*...

Однако вернемся к анализу феномена “цветных *революций*”; его исследователи отмечают, что «достаточно распространенной формой “мирного” вмешательства глобальных теневых структур во внутреннюю жизнь *государств* стала практика организации цветных *революций* или “добровольного” заимствования западных демократических институтов... Много лет Президент Киргизии Аскар Акаев пытался формально следовать западным правилам демократии. Именно в этой Республике сравнительно со странами СНГ действует рекордное количество западных фондов и обществ. “*Революция тюльпанов*” в 2005 г. завершила политическую эпоху А. Акаева. И после этого Киргизия не раз испытала разрушительные политические потрясения. Технология цветных *революций* была применена в конце 80-х годов в Польше, в 2000 г. – в Сербии, в 2003 г. – Грузии (“*революция роз*”), в 2004–2005 гг. – в Украине (“оранжевая *революция*”)»²⁸. Как полагает Ф. Фукуяма, каждый раз события развивались по одному и тому же сценарию с известным эпилогом: в стране происходила ненасильственная демократическая смена режима; по мнению ученого, во всех случаях смены *власти* внешняя поддержка сыграла решающую роль²⁹.

²² Миронова Т. Президент Путин: продукт “грязных технологий”. М., 2003. С. 97.

²³ Имамалиев И.М. Роль конституционных норм во взаимодействии внутригосударственного и международного права // Конституционное право и политика. Сб. материалов Междунар. науч. конф. Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–30 марта 2012 года / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2012.

²⁴ См.: Выжуртович В. “Бархат” совместного производства // Росс. газ. 2005. 7 июля.

²⁵ Третьяков В. Вступая в 2050-й // Политический класс. 2005. № 6. С. 2, 3; Его же. От Буденновска к Андижану // Там же. 2005. 16 июня.

²⁶ См.: Ефанов В. Белорусский КГБ нашел грузинский след // Там же. 2006. 17 марта.

²⁷ Яневский Д. Хроника оранжевой революции. Харьков, 2005. С. 645.

²⁸ Мусаелян Л.А. О цветных революциях, глобальном кризисе демократии и политической системе современной России // Вестник Пермского ун-та. 2012. № 3. С. 33–44.

²⁹ См.: Фукуяма Ф. Америка на распутье. М., 2008. С. 150.

Важно отметить, что большинство исследователей усматривает в числе основных причин этих *революций* бесцеремонное вмешательство политических сил других *государств*. «В течение последних лет, – писал еще в 2006 г. Д. Давид, – США ведут себя на постсоветском пространстве весьма вызывающе: нефтяные контракты, размещение военных баз после терактов 11 сентября, манипуляция гражданским обществом посредством финансовой помощи, предоставляемой предполагаемым специалистам по “демократизации”... “Марш на Восток”, предпринятый Североатлантическим альянсом и Европейским Союзом, похоже, и есть истинное проявление стратегии возвращения, которую вновь проповедуют в США интеллектуалы-неоконсерваторы»³⁰. В дальнейшем США при поддержке НАТО и ЕС перешли «уже к активным действиям по замене режимов в странах СНГ на более прозападные с помощью различного рода “цветных революций” – “розовых”, “оранжевых” и т.п., т.е. модернизированных технологий кампаний гражданского неповиновения и “мирных” *переворотов*, модель которых была первоначально создана американскими инструкторами для Югославии и отработана на примере смены режима Милошевича после агрессии НАТО 1999 г., а в дальнейшем была применена в Грузии и на Украине»³¹.

Для нас по понятным причинам важно, что идеологи “цветных” потрясений пытаются любым способом направить по пути “революционного развития” и Россию; так экс-советник Президента США З. Бжезинский писал, что “у Украины есть лишь два пути: реставрация диктатуры или трансформация в демократическое общество. В случае успеха украинская революция будет иметь значение и для России, которая будет обречена или стать демократической или распасться”³². К сожалению, подобного рода настроения разделяют и некоторые наши соотечественники. Так, С. Кара-Мурза недоумевает: “Народ России проявляет беспрецедентную непритязательность и терпение. Несмотря на небывалую по своей несправедливости экспроприацию общественной собственности, ее преступную приватизацию ничтожным окол властным и теневым меньшинством, хищническое перераспределение доходов и массовое обеднение квалифицированного тру-

дящегося населения, оно до сих пор не идет на открытое социальное противостояние”³³.

Впрочем, мнение о том, что «об организации бархатной революции в России мечтают многие, и немалая часть политэлиты (надо полагать, именно для людей, скушающих по бурным ельцинским временам, придуман в Кремле пугающий термин “пятая колонна”) не скрывает своего желания такую революцию поддержать»³⁴, несколько теряет свою актуальность на современном историческом этапе.

Однако это не дает безусловных гарантий того, что попытка осуществления “цветной революции” не будет предпринята в нашей стране. Для аргументации этого суждения обратимся к современной юридической литературе, где имеют место публикации о надвигающейся “белой революции” в России³⁵. «Признаки кризиса демократии, – пишет Л.А. Мусаелян, – в разной степени дают о себе знать в большинстве современных стран. В России, где демократические институты были механически перенесены с Запада без учета особенностей существующей социальной реальности, эти черты кризиса приобрели более рельефный характер. Здесь помимо общих признаков кризиса есть и свои собственные российские недуги. Оставляя в стороне практику чрезмерного использования административного ресурса во время избирательных кампаний, фальсификации результатов выборов, свидетельствующих о кризисе системы парламентского и партийно-политического представительства, отметим еще одну наиболее значимую для граждан страны проблему – кризис российской системы правосудия (господство “басманного суда”). Если быть объективным, следует признать системный кризис институтов правоприменения и правоохранения, указывающий на отсутствие у власти вопреки требованиям времени действенных инструментов управления обществом. Кризис системы правоохранения и правоприменения является раздражающим фактором, усиливающим недоверие населения к Российскому государству. Разрыв, отчуждение между народом и властью – одна из важных причин низкой эффективности последней»³⁶.

Разумеется, имеют место подобного рода суждения в среде западных исследователей, к которым также апеллируют авторы анализируемых

³⁰ Давид Д. Самоубийственная стратегия сопротивления // Независимая газ. 2006. 13 февр.

³¹ Котляр В.С. Международное право и феномен “цветных революций” в странах СНГ // Гос. и право. 2007. № 5. С. 72.

³² Цит. по: Яневский Д. Указ. соч. С. 644.

³³ Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 411.

³⁴ Кахиани К., Слободянюк Д. Режим охлаждения // Политический журнал. 2005. № 13.

³⁵ См. подробнее: Мусаелян Л.А. Указ. соч. С. 33, 34.

³⁶ Там же. С. 36.

публикаций. Например, Дж. Шарп утверждает, что “Основной Закон новой демократической России институционально закрепил исторические традиции моноцентрической персонифицированной политической *власти*”³⁷. Л.А. Мусаелян развивает это суждение следующим образом: “Полномочия Президента России контрастируют с куцыми правами федеральных представительных органов *власти*, которые фактически не имеют возможности влиять на состав, идеологию, политику Правительства. К тому же большинство мест в них уже много лет принадлежит партии *власти*, что позволяет последней, минуя сложные процедуры обсуждений, переговоров, согласований с политическими оппонентами, без существенных изменений штамповать законопроекты, подготовленные их единомышленниками в Администрации Президента и Аппарате Правительства. В этом контексте мысль экс-спикера Государственной Думы Б. Грызлова о том, что Дума не место для политических дискуссий, не так уж и далека от истины. Это скандальное заявление российского политика лишь подтверждает известный факт – имитационный характер демократических институтов в России”³⁸. По мнению Л.А. Мусаеляна, «понимание отмеченных особенностей российской политической системы активизирует желание глобальных неформальных структур осуществить “белую *революцию*” в России»³⁹.

Подобного рода позиции не могут не вызвать настороженности. Никто, включая руководство страны, не считает ситуацию в России идеальной с точки зрения развития институтов демократии, ибо реформирование политической системы продолжается. Однако нам фактически предлагается альтернатива – “белая *революция*”, потенциальные негативные последствия которой легко предсказуемы.

Юрист не может не отметить, что все эти “цветные” действия (подстрекательства к *революциям*, попытки их осуществления и, тем более, непосредственная реализация) противоречат нормам международного права и, в частности, Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 г.⁴⁰ Там определены случаи так называемо-

го косвенного вмешательства, т.е. вмешательства посредством подстрекательства, организации или финансирования органами *власти* одного *государства* насильственных действий граждан другого *государства* против конституционного порядка в этом *государстве*. Конституция РФ также устанавливает, что “никто не может присваивать *власть* в Российской Федерации. Захват *власти* или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону” (ч. 4 ст. 3).

Убеждены, что уважение к *праву* и закону никогда не бывает лишним, а современные правовые *государства*, в том числе к “незыблемому авторитету” которых обращаются подстрекатели “цветных *революций*”, давно уже избрали для себя не революционный, но эволюционный путь трансформации государственно-правовой формации.

История “цветных” «*революций*» насчитывает уже не один десяток лет, особенно если принять во внимание мнение о том, что к ним некоторые авторы относят события 1989 г. в Чехии (“бархатная *революция*”, начало которой положило подавление студенческой демонстрации в Праге в ноябре 1989 г.)».

Заметим, что ранее «переходные процессы в развитии государственности в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, Восточной и Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны были связаны с широкими общедемократическими движениями народных масс, которые стали формой общедемократических *революций*. Можно спорить о точности названий, но вряд ли, испугавшись слова “*революция*”, надо отрицать этот факт и переписывать историю. Такие *революции* возникали на основе борьбы *народа* против оккупационных фашистских войск и привели к созданию новых правительств и новых по своему характеру *государств*... Возникновение стран социалистической ориентации тоже было результатом революционного (национально-освободительного) движения в колониальных и зависимых странах на основе демократического подъема после Второй мировой войны. Это была победа в определенной группе стран левого крыла антиколониальной демократической *революции*, которая имела глобальный характер, так как рушилась вся колониальная система. Чаше всего в той или иной стране такая *революция* совершалась в виде национально-освободительного движения мирным или в основном мирным путем (была и вооруженная борьба, например, в Зимбабве, Кении или Малайзии). Правда, во

³⁷ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения // <http://patriotic-front.narod.ru/Sharp.htm> (Дата обращения: 5.05.2012 г.).

³⁸ Мусаелян Л.А. Указ. соч. С. 37.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См.: Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Резолюция 36/103 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г. // СПС “КонсультантПлюс”.

многих странах Тропической Африки население не представляло себе, что оно участвует в *революции*, иногда не было не только революционных лозунгов, но и требований государственной независимости у руководителей местных партий или движений (характерным примером является французский референдум 1958 г. в Африке, когда лишь одна страна – Гвинея из почти двух десятков колоний проголосовала за независимость)»⁴¹.

В 2005 г. политологи отмечали, что «последним пискмодой в области экспорта демократии стали сейчас “*революции* цветов” – то, что успехи оппозиционера Джорджа Сороса на постсоветском пространстве оказались куда более впечатляющими, чем успехи администрации Джорджа Буша на Ближнем Востоке»⁴². Соответственно, можно подвести определенные итоги “*революций* цветов”, которые вряд ли подтверждают их целесообразность. Так, “*революция* роз” в Грузии 2003 г. обусловила ухудшение российско-грузинских отношений, но явно не достигла желаемого результата, ибо на рубеже 2013–2014 гг. Грузия стала осуществлять значительно менее прозападную позицию и даже инициировала уголовное преследование в отношении ее основного идеолога – бывшего президента страны М. Саакашвили.

Однако еще более наглядный пример опасности любых “ускорений” эволюционного развития общественных отношений представляет “оранжевая *революция*” на Украине. Она была осуществлена по “классической рецептуре” государственного *переворота*, в которой «технология построения хорошо организованной толпы – ключевой элемент.., толпа – инструмент одноразового использования, поэтому требует больших, но одноразовых затрат. Большинству из “протестующих” против антинародного режима не надо даже платить – они делают это вполне добровольно. Им необходимо прежде всего выплеснуть свой гнев против окружающей скверной действительности. И они получают такую возможность. Недовольные жизнью граждане составляют весьма значительную часть населения любой страны. Поэтому “армию протеста” всегда можно набрать, если имеются необходимые на то средства»⁴³. Подобного рода действия были псевдолегализованы по весьма

примитивным технологиям, в том числе на основе так называемого электорального противостояния. «“Бархатные и оранжевые” *революции*, – пишут исследователи, – показали эффективность современных методов канализирования массового недовольства, то есть внушения людям различных, в том числе взаимоисключающих, представлений о способах разрешения противоречий, благодаря этому и удастся во время выборов так расколоть общество, что два кандидата с альтернативными программами получают почти одинаковые количества голосов»⁴⁴.

Однако без насилия не обходится ни одна *революция*, и события на Украине не являются исключением. Можно в целом разделить мнение Р. Шайхутдинова о том, что сознательно используются принципы ненасилия, “начиная от названия (бархатная, каштановая *революция*, *революция* роз) и заканчивая символикой, имиджем и т.д. И тот, кто первым применит насилие, окажется по определению тотально не прав. Но кто сказал, что в этой схеме на самом деле нет насилия? Напротив, оно есть! Это скрытое насилие! Просто смещенное с физического в иной план”⁴⁵.

Таким образом, “ненасильственные” силовые действия являются важным актом в спектакле “оранжевой *революции*”. Все эти действия совершаются при минимальном уровне “насилия”, т.е. драк, стрельбы и т.д. Напротив, постоянно говорится о необходимости “не поддаваться на провокации”. По сути, это типичное насилие, только вместо огнестрельного оружия используется толпа – масса невооруженных людей, которая, если против нее не применяется насилие, сама обладает большой пробивной силой⁴⁶.

Итак, “цена” *революции* всегда одна: это – насилие и жертвы. Итоги этой *революции* также очевидны. В 2004 г. «имело место наивное ожидание “западных” благ у части населения и нескрываемая жажда наживы у прозападных дельцов: “оранжевую” *революцию* можно назвать еще и буржуазной. В том смысле, что уличные акции протеста были активно поддержаны, и не только в части финансирования, представителями среднего и малого бизнеса. Сейчас [Авт. – 2004 год] предприниматели, которые разрешили своим работникам бастовать на Майдане, подсчитывают убытки и надеются, что они не будут напрасными»⁴⁷.

⁴¹ Чиркин В.Е. Постсоциалистическое государство XXI века // Журнал рос. права. 2008. № 5.

⁴² Мамаев Ш. Бархатные интервенции // Политический журнал. 2005. № 4.

⁴³ Головкин А. На пороге заказных переворотов // Там же. 2004. № 7.

⁴⁴ Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 389.

⁴⁵ Шайхутдинов Р. Демократия в условиях “спецоперации”: как убить государство // Сообщение. 2005. № 1.

⁴⁶ См.: Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 393.

⁴⁷ Яневский Д. Указ. соч. С. 660.

Однако на современном этапе масштаб “убытков” от этих *революций* нам трудно оценить; во время написания этих строк поток беженцев в Россию не прекращается, число людских жертв неуклонно возрастает... “Игра в *революцию*” неминуемо обернется горем и страданием для населения; “соблазн” быстрых перемен к лучшему в очередной раз показал свою несостоятельность.

Обращение к тексту новейших конституций позволяет утверждать осознание этого факта. Так, в Конституции Египта 2014 г. запрещена деятельность военных и иных любых организаций, “враждебных демократии”⁴⁸.

⁴⁸ Цит. по: Чиркин В.Е. Конституция Египта 2014 г. // Гос. и право. 2014. № 6. С. 93.